

ращении в 1917–1920 гг. на юге Восточной Сибири (Сафонов М.С. Бонные эмиссии Прибайкалья 1918 г. // Советский коллекционер М., 1930. № 7. С. 169–172; Он же. Бонные эмиссии Прибайкалья // Советский коллекционер М., 1930. № 10. С. 249–253.). Автор, используя делопроизводственные источники из архива Бурят-Монгольской АССР, подробно рассказывает об эмиссии бон, осуществлённой Кяхтинским отделением Нарбанка, а также оспаривает некоторые сведения о выпусках денежных суррогатов советской властью в Забайкалье летом 1918 г., приводимые А.И. Погребецким.

В рамках общей тенденции упорядочения знаний по денежному обращению и бонистике коллекционерами в течение 20–30-х гг. XX в. было первично описано и систематизировано многообразие денежных знаков, выпущенных в стране различными эмитентами в годы революции и Гражданской войны; каталогизации подверглись и денежные знаки сибирских советских властей и контрреволюции. Здесь следует отметить деятельность таких каталогизаторов, как Ф.Г. Чучин, В.А. Кацитадзе, С.П. Виноградов, Л.М. Иольсон и Н.И. Кардаков.

Работы, изданные в период с 1918 г. до начала 30-х гг. минувшего века заложили фундамент для дальнейших исследований. В период первичного накопления знаний был обозначен круг общих актуальных и поныне проблем, связанных, в частности, с классификацией денежных знаков периода Гражданской войны. Но даже при наличии весьма авторитетных научных трудов с богатым статистическим и фактическим материалом, уделялось недостаточное внимание политике властей разного уровня в сфере денежного обращения в Сибири, а также обстоятельствам появления и обращения отдельных денежных знаков.

Д.А. Петров (Москва)

О ДАТИРОВКЕ ГЕРБОВЫХ ЩИТОВ 1490 г. НА БОРОВИЦКОЙ БАШНЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Вот уже, по-видимому, четыреста двадцать лет на Боровицкой башне Московского Кремля находятся три больших резных белокаменных герба. Эти гербы размещены очень высоко, они расположены над проездными воротами Кремля, через которые или мимо которых каждый день проезжают и проходят десятки тысяч людей. На этих гербах изображены разные геральдические фигуры, одна из них (двуглавый орел под короной) является предметом детального и

пристального исследования российских историков вот уже сто пятьдесят лет. Однако, нам не удалось найти ни одного описания или, хотя бы, упоминания этих гербов в научной литературе.

Определить достоверно время появления гербов на башне, опираясь на изобразительный материал, как нам кажется, невозможно. Самое раннее известное нам изображение Боровицкой башни с гербами относится к 1840-м гг. Опубликованные архивные материалы по ремонту стен и башен Кремля не дают никакой информации по интересующему нас предмету.

Русская государственная геральдическая символика к 1700 г. фактически была окончательно сформулирована и графически закреплена. Все дальнейшие изменения герба связаны с историческими обстоятельствами и стилистикой каждой эпохи. Поэтому, появление в XVIII в. герба с орлом в том виде, в каком мы видим его сегодня на Боровицкой башне, представляется совершенно невозможным. Невозможно объяснить и появление в XVIII–XIX вв. других гербов, чьи геральдические фигуры не соотносятся с российской геральдической традицией. Трудно себе представить в жизни Императорского Двора устройство на стенах государственной коронационной резиденции (например, при ремонте и перестройке башни в 1805–1817 гг.) гербов со случайными фигурами, которое не оставило бы никаких следов в документах. Соблазнительно связать появление этих гербов с перестройкой башни в 1680-х гг. при Федоре Алексеевиче, но мы хорошо представляем себе государственную символику этого времени и не видим возможности аргументировано объяснить причину появления таких гербов над воротами Боровицкой башни в этот период.

Считаем корректным рассмотреть возможность устройства белокаменных гербов в другое время: либо в 1490 г. при сооружении башни П.А. Солари, либо при Василии III или Иване IV. Ниже мы попытаемся на основе иконографического анализ форм гербового щита, украшений (не затрагивая вопросы интерпретации геральдических фигур), оценке качества и особенностей скульптурного исполнения уточнить возможное время устройства гербов на Боровицкой башне.

Визуальный осмотр гербов, проведенный нами совместно с реставратором Д.Е. Яковлевым в октябре 2012 г., показал, что гербы выполнены из белого камня, имеют сколы и утраты, покрыты многими слоями. Гербы вырезаны из прямоугольных блоков белого

камня, установленных «заподлицо» с кладкой башни. Скульптурная композиция представляет собою герб, обрамленный лентами. Щит герба имеет шестиугольную форму с параллельными верхней и нижней гранями и боковыми гранями, слегка изогнутыми внутрь. Само поле также имеет изгиб. Нижнее и верхнее поле гербового щита сильно оторвано от поверхности блока, что хорошо просматривается при взгляде сбоку. По краям щита проходит узкий кант – рамка. Композиция выполнена в технике горельефа, причем настолько высокого, что в нескольких местах фрагменты скульптуры полностью отходят от поверхности блока. На гербовых щитах изображены: всадник с саблей(?) в руке, лев с мечом в лапе и виверна («змий») с двумя закрытыми коронами и двуглавый орел под зубчатой короной.

Форма щита гербов Боровицкой башни сама по себе несет четкую историческую информацию. Такой щит под названием «Testo di cavallo» («голова лошади», сейчас он называется «итальянский») имел широкое распространение в итальянских государствах в 1450–1520-х гг. Хронологически время его употребления достаточно ограничено, причем пик частоты использования можно отнести к 1470–1510 гг.

Появление этого щита, по-видимому, прямо связано с окончательным формированием в нач. XV в. полного рыцарского, том числе и конного доспеха. Частью этого доспеха был «Shaffron» (saffron, chamfrons, chanfrons, chamfreins, champfreins...) – стальная накладка на голову лошади. Соотношения размеров и начертания сторон щита, характера изгиба его поверхности постоянно изменяются и почти всегда эти щиты имеют свою форму, чуть отличающуюся от других.

Плоские щиты в скульптурных гербах были очень распространены в многочисленных гербовых изображениях XIV – нач. XV вв. из-за простоты исполнения рельефа в камне. Однако, со временем, гербовый щит все более отрывается от поверхности каменного блока, на котором он вырезан, становится все более независимым от стены, на которой он укреплен, и приобретает большую натуралистичность в изображении пространственной формы щита. Прежде всего, это касается угловых блоков с гербом, устанавливаемых на углах. При установке в кирпичных стенах, такой блок хорошо просматривается. Каменные блоки, из которых вырезан герб, не «участвуют» в «работе» герба как художественного элемента, на них просто не обращают внимания.